

## **Память рождается в сердце сама.**

*Дети и война - нет более ужасного  
Сближения противоположных  
Вещей на свете.*

*Твардовский.*

Эту историю рассказал мне мой отец пару лет назад. Ехал он как-то раз из Томска в Москву на поезде, и попался ему очень интересный сосед по купе: это был дедушка лет 80, полностью седой и с большим шрамом, пересекающим левую бровь. Поначалу они оба молчали, но как только поезд остановился около старой станции, где среди деревьев и кустов стоял один – единственный разрушенный домик, старик прокашлялся и заговорил своим скрипучим голосом. Так и узнал мой папа эту историю, которую я поведаю сейчас и вам.

Декабрь 1943 года выдался поистине суровым. Многочисленные московские улицы завалены сугробами по колено, да так, что даже проезжающие по городу танки бывало застревали в снегу. Город жил тихо, изредка можно было застать перебегающих с улицы на улицу горожан. В основном стройными рядами ходили красноармейцы, реже проезжали машины. Люди с особой осторожностью выбирались из полуразрушенных домов - сходить за хлебом по талонам, реже - переброситься парой слов со знакомыми, посочувствовав известиям о получении похоронок или же узнать более благоприятные новости с фронта. Москва ели дышала, всё ещё не забывшая ужасы “Операции Тайфун”. Разруха, голод, слёзы - чего только не видели эти дороги, улочки, здания. И только слёзы матери, вернувшейся с линии фронта и льющей слёзы над измятой, в некоторых местах надорванной фотографией мальчика лет десяти, по-настоящему могут рассказать историю великого подвига совсем маленьких людей.

### **Декабрь 1941 года. Москва.**

- Заряжай, заряжай!

- Цельтесь лучше, сейчас троих подорвём! Ай, молодец!

Дикий грохот и свист оружия разносился по всем районам города. Солдаты с небывалым доселе остервенением били врага, оттесняя его с мощёных улиц Москвы. В этот день не было ни метели, ни колючих декабрьских ветров. В воздухе словно витало напряжение. Стойкий запах пороха и крови стоял в носу у каждого, кто высывался из дома. Пулемётные залпы и непрекращающиеся выстрелы мало тому способствовали, так что смельчаков, готовых выйти за порог, не находилось. Пару часов назад красноармейцам удалось отбить у немцев окраину, отбросив тех к пригороду. От разрушенных практически до основания домов исходили клубы дыма, а земля, взрытая градом металла, пылала. Чуть поодаль от подобной страшной картины слышались тихие, хлюпающие шаги.

Топ-топ, топ-топ. Заскрипела дверь одного из немногих уцелевших зданий -до августа здесь был кабак - маленькая тень прошмыгнула внутрь, и дверь захлопнулась. На звук обернулись несколько десятков глаз.

-Аа, Митька! Заходи живее! - широко улыбающийся солдат махнул рукой парнишке, лет восьми-девяти.

Сбросив потрёпанное пальтишко, мальчуган прошёл к бару. На него поднял уставшие глаза лейтенант:

-Ты чего это из дома вышел? Только ж недавно получилось немцев отсюда выпнуть! А если б случилось чего?

Стянув с головы шапку, мальчик взобрался на стул рядом с лейтенантом.

-Да я же, Гаврила Петрович, не просто так зашёл! У вас чего-нибудь съестного не осталось? И фляга воды?

На секунду задумавшись, мужчина кивнул.

-Есть. Пойдём, дам тебе что смогу.

Гаврила Петрович развернулся и двинулся в сторону небольшой обшарпанной двери. Зайдя внутрь, он начал доставать оставшиеся с этого месяца припасы.

Через пару минут лейтенант уже протягивал мальчишке аккуратно завёрнутый кулёк и наполненную водой флягу.

-Вот, Митенька, всё что могу тебе отдать. Сам понимаешь, зима тяжёлая, продуктов не хватает, да и куда там о еде толковать, если даже винтовок у нас по пальцам пересчитать можно... Ладно уж, ступай, небезопасно тут.

Отдав обещанное, Гаврила небрежно похлопал ребёнка по плечу и удалился из каморки.. Митя вздохнул, нацепил на голову шапку и поплёлся к выходу.

Постоянно оглядываясь, не притаился ли где подлый немец, паренёк дошёл до маленького покосившегося домика. Стоило ему зайти внутрь и подняться по шатающейся лесенке на второй этаж, как на Митю налетел нелепо одетый босоногий мальчишка и начал трясти товарища за плечи, сбивчиво проговаривая:

-Ты принёс? Удалось чего-нибудь раздобыть?

Высвободившийся из поразительно крепкой для ребёнка хватки, Митька достал из-за пазухи кулёк с едой.

-Удалось! Гаврила Петрович мне дал, практически последнее, представляешь!

Радостно закивавший мальчик спешно зашёл в приоткрытую дверь комнатухи, оставив Митю позади. Второй парнишка, Петя, одиннадцати лет отроду, был сыном врачей-хирургов. Отца его, Виктора Павловича, призвали на фронт одним из первых. Там он поначалу был военным лекарем, а после из-за значительных потерь в личном составе вызвался на передовую. И даже сидя в окопах, тому удавалось подлечивать раненных, практически вытаскивая тех с того света. Но война оказалась несправедлива как к самому Виктору Павловичу, так и к его сыну. Сначала она забрала жизнь мужчины, пустив шальную пулю, а потом и его жены, Екатерины Петровны - та последовала на фронт за мужем, устроившись сестрой милосердия, и была убита при попытке вытащить из окопа раненого супруга. Они, как и другие доблестные воины, своими жизнями ради служения Отечеству. Оттого и не удивительно, что Петя, уже

полный сирота, пошёл по стопам родителей и устроил в доме своей семьи укрытие для солдат. Кроме двух мальчишек, со спасением бойцов также помогала сестра Пети - Леночка. Она была младше их на пару-тройку лет, но активничала с перевязками, приготовлением пищи и остальными делами по дому.

Дед закашлялся и рассказ прервался на пару минут.

Из раздумий Митю вывел протяжный, хриплый стон. Страхнув наваждение, мальчик скинул на пол верхнюю одежду и вошёл в комнату. Практически неосвещённое помещение со спёртым воздухом не было обставлено от слова совсем: на полу лежали самодельные матрацы, выбитые снарядами окна были кое-как замурованы тряпками и всем, что попало под руку. Одинокое стоял посредине маленький столик, заставленный склянками, бинтами и прочими приспособлениями, которыми хоть как-то можно оказать помощь. На постеленных в рядок матрацах спали красноармейцы. Повернув голову чуть в сторону, Митя взглядом наткнулся на нависших над кем-то Леночку и Петю. Будто почувствовав чужой взгляд, незнакомец поднял глаза на стоявшего столбом паренька. Разглядев солдата чётче, Митя ахнул: окровавленное лицо со вспоротой щекой, залитый кровью из рассечённой брови глаз и зияющее ранение в плечо -и это только то, что удалось заметить Митьке в первые секунды!

Суевившаяся около солдата девочка повернулась к Мите и недовольно прикрикнула:

-Митя, ну, не стой столбом! Иди помогай!

Очнувшись, мальчик кинулся к бойцу. Быстро обработав лицо и перевязав рану, дети принялись его переодевать. Опасения Мити касательно других ранений под одеждой не подтвердились, и ребята, закончив, облегчённо выдохнули. Убрав испачканную одежду и бинты, Лена отвела Митю в сторону.

-Ты побудь пока здесь, не уходи, а мы на кухню спустимся, сообразим обед. Хорошо?

Покорно кивнул, мальчик сел подле откинувшегося на подушку солдата. Украдкой Митя его разглядывал. Отмытое от крови лицо было молодо, наверное, ему было не больше двадцати. Заметив чужой интерес, парень приоткрыл глаза.

-Воды...-хриплый голос разрезал тишину.

Подскочивший к столу Митя вернулся с флягой и протянул ту солдату.

Осушив флягу жадными глотками, боец вновь улегся.

-Спасибо.

На благодарность Митя покорно кивнул.

-Как звать-то тебя, скажешь?

-Митя.

-Митя... хороший ты, Митя. А я Иван. Как додумались-то тут больницу устроить?

От искреннего интереса Ивана мальчишка приободрился и отвечал уже не так односложно.

-Да у друзей моих, Петьки с Леной, родители врачи фронтовые. Только вот, похоронка на них пришла с несколько месяцев назад, ну и решили мы тоже помогать, тут и укрываем, и лечим.

Усмехнувшись, боец протянул руку и потрепал Митю по голове.

-Хорошее вы дело задумали, ребята. А я, видишь ли, только майором стал - так раз, и ранен! Чую, если б не друзья твои, так и сгинул бы там.

Видя, что мальчуган стесняется расспрашивать дольше, а ведь интересно ему, майор сам продолжил рассказ.

-Я третий десяток не так давно разменял. До этого учился в пехотном.. Думал, отправят меня гладь морскую от немцев треклятых защищать, а меня вот, в артиллеристы заделали. Но я вот, знаешь, не жалуясь даже - пацаны там толковые, командиры не зверствуют. Только вот гибнут все, как птицы. Столько на глазах моих погибло, что не перечесать... жизни не хватает.

В ясные голубые глаза закралась тоска и боль столь всеобъемлющая, что сидевший рядом Митя вздрогнул. Чтобы перевести разговор на менее удручающий лад, парнишка спросил:

-А семья твоя? Живы же?

Лицо Ивана из грустного стало ожесточённым.

-Нет семьи у меня. Давно уже нет. Не на войне они погибли - раньше. Сирота я, Митька. Круглый сирота.

Чувство стыда и неуместности расспросов охватило Митю. На широкую взрослую руку легла детская ладонь.

-Я тебя расстроил? Не знал я, что так у тебя. Я ведь тоже осиротел почти, отца на фронте убили, а мама - медсестра, сейчас под Москвой где-то. Не знаю, жива ли, умерла ли, похоронки оттуда в город одна за другой летят, возможно, ещё не успели..

Крепко сжав мальчишескую ладонь, солдат заговорил:

-Не думай об этом. Коли думать не будешь, легче станет.

Кивнув головой, Митя замолк. Мучал его теперь вопрос один, но задать он его не решался. Посидев пару минут, Митька всё же смелости набрался, зажмурился крепко-крепко и на одном дыхании выдал:

-А ты смерти не боишься?

Лицо солдата поражённо вытянулось, но на смену удивлению пришла уставшая, снисходительная улыбка:

-Нет, не боюсь. И ты не бойся никогда. Знаешь, как говорится: человек жив, пока жива память о нём. А память и о тебе, и о товарищах твоих и моих, возможно, даже обо мне, никогда не умрёт. За память-то сейчас и сражаются, Митенька. За свободу, да за память.

Услышав подобное откровение, Митя расплылся в улыбке.

-И правда. Теперь я тоже смерти не боюсь.

Ответом ему послужили крепкая хватка на руке. Жизнь продолжается, их подвиг тоже.

### **Март 1943 года. Москва.**

*-Они здесь, они здесь! Выбивайте дверь, всех кого увидите, расстреливайте на месте!*

Грубая, лающая немецкая речь разнеслась по улице Москвы. Дверь того самого Петинского дома пошатнулась и упала к ногам фашистов. В коридоре послышались громкие шаги. Они поднимались по лестнице. Секунда, две. Тук-тук. Тук-тук. Скрип половиц заглушал звук заполошно бывшего детского сердца. Третья секунда. Тук-тук. Тук-тук. Хлипкий дверной замок комнатухи поддался выстрелу из пистолета. Четвёртая секунда. Тук-тук. Тук-тук. Шквал выстрелов был слышен, кажется, везде, в каждом районе, в каждом другом доме. Пятая секунда. Сердце уже не бьётся, все мертвы.

И только слёзы вернувшейся матери, да решившего навестить своих спасителей Ивана, расскажут нам историю подвига, историю детства, растоптанного войной.

После того, как Иван поправился, призвали его обратно на фронт. Сначала в Томск, откуда парень ещё мог сдать письма Мите и его друзьям, а спустя несколько месяцев послали его защищать подступы к Ленинграду, где не было ни одной свободной минуты. В январе 1944 года город отбили, а в феврале Иван отправился в Москву, проводить детей и рассказать им истории, что приключились с ним в боях. Но приехав, его встретили не радостные мальчишеские улыбки и несмелые объятия Леночки, а убитая горем мать Пети, что поселилась в том доме после известия о смерти сына. С тех пор в Москву солдат не ездил 20 лет.

Загадочный попутчик замолчал. Проводница поезда объявила конечную и старик поднялся со своего места. Уже выходя из купе он обернулся на моего отца и сказал:

-Меня Иван звать.

Больше тот ничего не сказал и молча сошёл с поезда.